

Научная статья

УДК 81-114.4

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-161-169>

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО ТЕКСТА ПРИТЧИ О БЛУДНОМ СЫНЕ ПО СПИСКАМ АССЕМАНИЕВА, ЗОГРАФСКОГО И МАРИИНСКОГО ЕВАНГЕЛИЙ

**Елена Викторовна
Пронина¹**

**Елизавета Андреевна
Волынская²**

---

^{1,2} Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого

Тула, Россия

¹ alepro@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0009-6844-3266>

² hil30006@gmail.com

² <https://orcid.org/0009-0007-8706-0645>

Аннотация. В статье рассматривается древний евангельский текст притчи о блудном сыне по известным рукописям X – XI вв. в синхроническом аспекте. Показывается, каким образом с помощью языковых средств реализуются глубокие смыслы, благодаря которым сюжет притчи о блудном сыне становится архетипическим сюжетом для мировой литературы последующих веков.

Методически исследование строится на филологическом анализе древнего текста притчи путем сопоставления его вариантов по спискам Ассеманиева, Зографского и Мариинского евангелий. В рамках изучения проводится анализ смыслового пространства притчи о блудном сыне, затем – синхронический анализ древних евангельских списков Ассеманиева, Зографского и Мариинского евангелий с целью сравнить и проанализировать фонетические, графические, грамматические и лексические особенности, и показать, как через языковой строй раскрываются глубокие пласты содержания.

В процессе поуровневого анализа выявлено более 40 различий в евангельских списках текста притчи о блудном сыне. В статье обозначены наиболее примечательные различия, повлекшие за собой интересные интерпретации смысла.

В ходе исследования выдвигается тезис о том, что постижение идейного содержания евангельских текстов – это прежде всего глубокая работа с лексикой и грамматическими формами, в результате которой дополняется и расширяется понимание идеи текста притчи. Утверждается тот факт, что многие лексические средства и грамматические формы были тщательно подобраны переписчиками с целью передать философский смысл притчи, ее глубокую моральную и нравственную подоплеку, неуловимую с первого взгляда. Сокрытый в тексте притчи психологизм, прослеживающийся в переживаниях героев, передается с помощью лексических средств (организации синонимических и антонимических отношений), грамматических возможностей наречий, местоимений и союзов, а также порядка слов в предложениях.

Ключевые слова: филологический анализ, синхронический анализ, притча о блудном сыне, евангельский текст, архетипический сюжет.

Для цитирования: Пронина Е. В., Волынская Е. А. Филологический анализ древнеславянского текста притчи о блудном сыне по спискам Ассеманиева, Зографского и Мариинского евангелий // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 161–169. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-161-169>

Сведения об авторах: *Е. В. Пронина* – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.;

Е. А. Волынская – студент, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Пронина Е. В., Волынская Е. А., 2024

Scientific Article

UDC 81-114.4

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-161-169>

PHILOLOGICAL ANALYSIS OF THE OLD SLAVIC TEXT OF THE PARABLE OF THE PRODIGAL SON ACCORDING THE CODEX ASSEMANIUS, THE CODEX ZOGRAPHENSIS AND THE CODEX MARIANUS

*Elena V. Pronina*¹

*Elizaveta A. Volynskaya*²

---

^{1,2} Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia

¹ alepro@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0009-6844-3266>

² hil30006@gmail.com

² <https://orcid.org/0009-0007-8706-0645>

Abstract. The article examines the ancient Gospel text of the parable of the prodigal son according to famous manuscripts of the 10th – 11th centuries in a synchronic aspect. The article shows how linguistic means convey deep meanings of the parable of the prodigal son, thanks to which this plot becomes a mythos for the world literature of the following centuries.

The methodological basis of the study is the philological analysis of the ancient text of the parable by comparing its variants according to the Codex Assemanius, the Codex Zographensis and the Codex Marianus. As part of the study, the author analyses the semantic space of the parable of the prodigal son, and then conducts a synchronic analysis of the ancient Gospel lists mentioned above in order to compare and analyze phonetic, graphic, grammatical and lexical features, and to show how deep layers of content are revealed through the linguistic structure.

In a step-by-step analysis, the author identifies more than 40 differences in the gospel lists of the text of the parable of the prodigal son. The article highlights the most notable differences that have led to interesting interpretations of meaning.

In the course of the research, the author advances the idea that the comprehension of the ideological content of the gospel texts is, first of all, a deep work with vocabulary and grammatical forms, as a result of which a broader understanding of the idea of the parable text becomes possible. The author asserts the fact that the copyists carefully selected many lexical means and grammatical forms in order to convey the philosophical meaning of the parable, its deep moral and ethical background, elusive at first sight. Lexical means (organization of synonymic and antonymic relations), grammatical possibilities of adverbs, pronouns and conjunctions, as well as the order of words in sentences help to see the psychologism hidden in the text, but conveyed in the experiences of the characters.

Keywords: philological analysis, synchronic analysis, the parable of the prodigal son, the gospel text, mythos.

For citation: Pronina, EV & Volynskaya, EA 2024, 'Philological Analysis of the Old Slavic Text of the Parable of the Prodigal Son According the Codex Assemanius, the Codex Zographensis and the Codex Marianus', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (19), pp. 161–169, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-161-169> (in Russ.)

Information about the Authors: *Elena V. Pronina* – Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia;
Elizaveta A. Volynskaya – Student, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

© Pronina E. V., Volynskaya E. A., 2024

Введение

В современной отечественной культуре к древним духовным текстам обращаются не только как к средству выражения сакрального религиозного мировосприятия, но и как к образно-символическому источнику трансляции мировоззренческого опыта общности людей. Глубокое и всестороннее исследование древних текстов, которое изначально являлось способом изучения и понимания религиозных догматов, выполняет культурные и языковые функции.

Едва ли не самым известным сюжетом древней литературы является притча о блудном сыне. Философская глубина и амбивалентность образов притчи делают ее одной из вершинных достижений мировой художественной культуры. Тем не менее именно в русской культуре притча раскрывается не только с богословско-догматической, но и с обыденной, житейской, событийной сторон.

Разделяя жанровые функции притчи и других текстов, в которых «событию придается значение», Ю. М. Лотман пояснял, что «значение приписывается в коде – однозначном для отправителя и подлежащем интерпретации для получателя» [5, с. 337].

Таким образом, благодаря внутреннему коду, который без труда считывается и интерпретируется адресатом, текст притчи в своей первоначальной форме и со всем своим содержательным и образовательным ресурсом многократно осмысливается авторским сознанием, работающим над созданием новых текстов, и находит свое новое сюжетное воплощение. Так происходит переосмысление текста и развитие его идеи в культурном пространстве, становление текста как архетипического.

Цель работы – доказать тезис о том, что постижение идейного содержания евангельских текстов – это прежде всего глубокая работа с лексикой и грамматическими формами, в результате которой дополняется и расширяется понимание идеи текста притчи. Утверждается тот факт, что многие лексические средства и грамматические формы были тщательно подобраны переписчиками с целью передать философский смысл притчи, ее глубокую моральную и нравственную подоплеку, неуловимую с первого взгляда.

Влияние текста евангельской притчи о блудном сыне на русскую литературу и культуру XIX – XX веков не вызывает сомнений.

Блудный сын символизирует отчуждение от родительского дома и традиций, стремление к свободе и самореализации, а также путь к искуплению и примирению с самим собой. В русской литературе архетип блудного сына часто ассоциируется с героями, испытывающими внутренний кризис и ищущими свое место в мире. Этот мотив отражает сложность человеческой природы, поиск истины и самопознания, борьбу с собственными страстями и слабостями.

Тема возвращения находит свое отражение в творчестве многих русских писателей: Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, из современных – Г. Ш. Яхиной, Е. Г. Водолазкина, В. А. Шарова, А. Лужбиной.

Однако важно отметить, что не следует принимать буквально смысл этого возвращения. Зачастую такое возвращение является скорее элементом диалектики и необходимо для развития концепции произведения. В данном контексте возвращение героя символизирует его продвижение к новым уровням понимания и принятия идеала, не ограничиваясь лишь возвратом к прежнему состоянию.

Материалы и методы

Рассматривать сюжет притчи о блудном сыне целесообразно с разных сторон. Богословское прочтение раскрывает отношение Бога-отца к грешникам и мнимым праведникам. Младший сын, юный и несмышленный, просит выделить ему **достоиняж** [15, с. 269], т. е. полагающуюся часть имени. Получив свое, сын принимает

решение жить на свободе, вне воли отца. Эта аллегория демонстрирует, как человек, наделенный от Бога духовными благами, начинает увлекаться порочными мыслями и пускается в грех. Сына тяготит жизнь возле отца, он пускается в странствия, где в распутстве расточает все те духовные дарования, которыми наделил его Бог-отец. Голод и гонения, которым подвергается сын после обеднения, символизируют в первую очередь голод и обеднение человеческой души без Бога. Страдания сына – это символ испытаний, которые Бог посылает человеку, чтобы образумить его и наставить на путь истинный. Примечательно также наказание, которому подвергает себя человек сам, так как растратил свои духовные богатства. Младший сын вынужден отправиться «пастъ свини» [15, с. 268]. Это крайне унижительное занятие для иудеев, так как свинья по иудейскому закону считается нечистым животным. Этот образ демонстрирует, как, отдалившись от Отца, пустившись в грех, человек опускается на дно и выполняет самые унижительные действия, потакая своей разрушительной страсти. Подтверждением этому является яркая деталь: погибая от голода, блудный сын готов есть даже пищу свиней – «і желаше насытити чрѣво свое отъ рожьць • ѡже ѣдѣхъ свини» [10, с. 321], но никто не давал ему. И сразу после кульминации человеческого падения для описания духовного прозрения используется очень примечательная в идейном смысле реплика: «въ севѣ пришьдѣ» [10, с. 321]. Эта метафора являет собой поворотный момент сюжета притчи. Подобно тому как больной человек впадает в забытие, но выздоравливает после тяжелой болезни, так и грешник, объятый грехом, как будто теряет вместе с дарами своего Отца и распадок. Но, придя в себя, воскресает к духовной жизни и с покаянием возвращается к своему Отцу, обретая вновь утраченные дары.

Отец в притче – это образ, призванный показать невероятную, всеобъемлющую любовь Божью к людям не только праведным, но и кающимся. Еще издали увидев блудного сына, отец бежит к нему навстречу, чтобы обнять его и вновь вернуть все утраченное им в долгих грешных странствиях: «еще же емоу далече сѣ штио • оузрѣ і отць его • і милъ емоу вых і текъ нападе на вых его • і облобыза і» [15, с. 269].

Реплика отца: «мрътвъ бѣ і живе • ізгывлъ бѣ і обрѣте сѣ» [15, с. 269] – также идейно очень важна для понимания текста. Она демонстрирует, как человек, покинувший Бога, умирает для духовной жизни. Так истинная жизнь человека зависит от Бога как от источника вечного блага. Таким образом, по-настоящему оживает человек только рядом с Богом. Таково исконное догматическое толкование притчи о блудном сыне.

Помимо идеи возвращения утраченного в тексте также можно обнаружить глубочайший духовный подтекст, который подтверждается анализом особенностей всех уровней языка: фонетического, лексического и синтаксического. Для анализа этих уровней предлагается провести синхронический анализ трех разных списков текста притчи о блудном сыне, чтобы отследить, как именно грамматический и лексический строй языка отражает его идейное содержание. Таким образом проводится исследование модели древнеславянского языка, зафиксированной по состоянию в определенный момент времени (конец X – начало XI века).

Рассматриваются следующие образцы старославянской письменности.

1) Ассеманиево евангелие – древняя глаголическая рукопись, датируемая XI веком, написанная круглой глаголицей. Памятник создан, предположительно, в Македонии. С лингвистической точки зрения в тексте отражаются особенности разных периодов развития старославянского языка.

2) Зографское евангелие – неполная глаголическая рукопись, памятник старославянского языка конца X или начала XI века, состоящий из трех частей, написанных в разное время, благодаря чему можно отследить эволюцию языка и переход с

глаголицы на кириллицу. Историки отмечают, что полная история создания Зографского евангелия в настоящий момент неизвестна.

3) Мариинское евангелие – неполная глаголическая рукопись четвероевангелия, датируемая XI веком. Это памятник старославянского языка старосербского извода. Создано евангелие, скорее всего, в Македонии, а переписчик, согласно подтвержденным фактам, был сербом или болгаринном.

Наибольший идейный интерес для данного исследования представляют синонимы. Несмотря на то, что идейно и сюжетно все тексты воплощают одну и ту же историю, их словарный состав в некоторых моментах различается. Например, в Зографском и Ассеманиевом евангелиях используется форма *єтеръ* (от греч. *ετερος*) – ‘некий’, тогда как в Мариинском евангелии, созданном, предположительно, на территории Македонии, используется уже более понятная современному носителю языка общеславянская по происхождению форма *єдинъ* – ‘один’, что является свидетельством более позднего происхождения памятника.

Отмечается также, что использование различных синонимичных вариантов может напрямую влиять на идею текста и раскрывать его для читателя с новой, более глубокой стороны. Так, в Ассеманиевом и Зографском евангельских списках при описании младшего брата используются формы прилагательных *менъші* и *мънні*, указывающих очередность рождения, тогда как в Мариинском евангелии с помощью прилагательного *юнѣи*, образованного от общеславянского корня, подчеркивается неопытность, несмышленость и открытость миру младшего сына, не достигшего, в первую очередь, духовной зрелости. Данные языковые факты позволяют сделать вывод об определенном переосмыслении, углублении в интерпретации смыслов притчи при переписывании в более позднее время на территории Македонии, расположенной южнее.

Подобное углубление смысла при интерпретации также наблюдается в Ассеманиевом евангелии, где пришедший старший сын, призывая раба, использует форму *отрокъ*, тогда как в остальных списках наблюдается прямое указание на социальный статус этого отрока – *рабъ*.

Важную роль для интерпретации смыслового пространства текста притчи играют также антонимы. На антонимичной связи строится весь сюжет притчи о блудном сыне. Можно сказать, что эта связь помогает выстроить идейный каркас текста. Наиболее ярко она выражена отцовской фразой на пиру в честь возвращения блудного сына: «ѣко снѣ моі съ мрътвѣ бѣ і оживе • ізгывлѣ бѣ і обрѣте сѧ» [10, с. 322], а также подразумевается во внутреннем монологе блудного сына, страдающего от голода и нужды в разлуке с отцом, в Ассеманиевом и Зографском евангелиях: «азъ же съде гладомъ гыблѣ» [10, с. 329] – я здесь, а он – там.

Антонимическая связь раскрывается и в диалоге отца со старшим сыном. Наблюдается, что в разных списках используются прямо противоположные формы наречий, которые при этом означают одно и то же. Так, сын сетует на несправедливое отношение отца к нему и произносит фразу: «се колико лѣтъ работашъ тебѣ • і николиже заповѣди твоєѧ не прѣст жпихъ» [10, с. 322]. В разных евангельских списках эта фраза реализуется по-разному, сохраняя при этом одинаковый смысл. В Мариинском евангелии вместо местоимения-наречия *сколько* используется *столько*: «столько лѣтъ работашъ тебѣ • і николиже заповѣди твоєѧ не прѣст жпн» [15, с. 269]. Таким образом, прямо противоположные местоименно-наречные формы тем не менее в интерпретации переводчика-переписчика Мариинского евангелия оказываются семантическими синонимами.

Другой пример трансляции содержания текста через грамматику наблюдается в Мариинском евангелии, в котором описание голода и нужды младшего брата пере-

дано фразой: «желаше насыти чрѣво своѣ» [15, с. 269], тогда как в других, изучаемых нами списках: «желаше насытити сѧ» [10, с. 329]. В Мариинском евангелии наблюдается более конкретный вариант фразы 'желал насытить чрево свое', который углубляет духовный смысл реплики, подчёркивая глубину падения младшего сына, сильное желание и невозможность угождения чреву, похотям плоти, как некогда в богатой и сытой жизни. В Зографском же и Ассеманиевом евангелиях указывается лишь на насыщение пищей за счет возвратного местоимения «сѧ» (в форме в. п. ед. ч.).

Наряду с синонимами и антонимами смыслообразующую роль играют отсутствующие или, наоборот, присутствующие в некоторых списках слова. Например, в Зографском евангелии представлена наиболее полная, классическая версия обращения блудного сына к отцу: «рече мѣни снъ єю оцю» [10, с. 321], тогда как в остальных списках опущено указательное с формирующимся значением притяжательности местоимение *єю*, которое придает фразе избыточность и утяжеляет ее.

Подобный случай наблюдается в Зографском и Мариинском евангелиях, где к реплике присоединяется исконно притяжательное местоимение *моему* во фразе: «идѣ къ оцю моему» [10, с. 321–322]. В Ассеманиевом евангелии данное местоимение отсутствует. Также в Ассеманиевом евангелии во фразе: «рече же отць іго къ рабомъ своимъ» [10, с. 329] добавляются предлог *к*, подчеркивающий адресный характер обращения и ставшее притяжательным местоимение «*іго*», выполняющее аналогичную функцию.

Важное сюжетное изменение наблюдается при грамматической интерпретации совершенных и несовершенных форм глагола притчи о блудном сыне. Отметим, что в древнеславянскую эпоху категория вида только начинает формироваться, однако некоторое соотношение по виду глагольных лексем в списках уже можно пронаблюдать. В Ассеманиевом евангелии можно заметить совершенную форму глагола *идти*, которая выражает начало действия с помощью приставки *по* – *пошел*. В Зографском и Мариинском евангелиях используется форма *идѣ*, которая не дает такую полноту значения. Также подобное расширение смысла с помощью приставки наблюдается в радостной реплике отца, когда он устраивает пир в честь своего обретенного вновь сына. В Ассеманиевом евангелии отец восклицает: «да възвеселімъ сѧ» [10, с. 329], т. е. «возвеселимся». Данная словоформа за счет приставки *воз* подчеркивает начало действия. В Зографском и Мариинском евангелиях эта фраза несколько видоизменена: «да веселімъ сѧ» [10, с. 322], тем самым подчеркивается вневременное значение действия.

Иногда можно наблюдать пропуски / дополнения определенных синтаксических конструкций в тексте. Так, во время долгожданной встречи младшего сына с отцом в Ассеманиевом и Зографском евангелиях появляется важная фраза, которая повторяет внутренний монолог сына, произнесенный в минуты отчаяния: «сътвори мѧ ѣко единого отъ наемникъ твоихъ» [10, с. 322, 329]. Вероятнее всего, эта реплика дублируется автором перевода для того, чтобы подчеркнуть раскаяние блудного сына, его готовность быть даже слугой у своего отца (на сыновство он уже не рассчитывает). В списке Мариинского евангелия эта строчка присутствует только во внутреннем монологе сына, второй раз она не повторяется.

Еще одна идейно важная деталь прослеживается в следующей реплике отца, когда он просит рабов принести богатую одежду блудному сыну: «скоро изнесѣте» [10, с. 322]. В Ассеманиевом и Зографском списках реплика дополняется наречием интенсивности действия *скоро*, выражающим радость и нетерпение отца, вновь обретшего сына. В Мариинском евангелии данная смысловая деталь опускается.

Инверсии в списках также являются ключом к пониманию текста. Различный порядок слов в тексте трудно списать на ошибки при переписывании. Порядок слов

работает как особенный литературный прием, подчеркивающий прежде всего переживания героев. Например, наблюдается дополнительное появление отрицательной частицы *не* в Мариинском евангелии, благодаря чему несколько меняется порядок слов в ССЦ и смысл фразы усиливается: «и никтоже не даѣше ємоу» [15, с. 269]. (Сравните в Зографском евангелии: «і никѣтоже дааше ємоу» [10, с. 321], в Ассеманиевом евангелии: «и никто же даѣаше ємоу» [10, с. 329]).

Разный порядок слов в одном и том же словосочетании наблюдается во внутреннем монологе блудного сына, который сам по себе является поворотной точкой повествования и кульминационным моментом притчи. В Ассеманиевом евангелии блудный сын произносит реплику: «юже не достоинъ есмъ нарешти сѧ снъ твои» [10, с. 321]. Пословный перевод этой фразы – 'я уже не достоин есть называться твоим сыном'. В Зографском и Мариинском евангелиях наблюдается обратный порядок слов: «юже нѣсмъ достоинъ нарешти сѧ снъ твои» [10, с. 321], что можно перевести как 'я уже не есть достоин'. Скорее всего, наблюдаемая перестановка, обусловленная слиянием глагола-связки и отрицательной частицы, связана с намеренным усилением значения фразы и интерпретируется как литературный прием, подчеркивающий констатацию осознания блудным сыном факта своего отпадения от Отца и утраты своего сыновьего достоинства.

Итак, в итоге филологического анализа текста по нескольким спискам памятника древней литературы становится очевидно, что постижение идейного содержания текстов – это глубокая работа с лексикой и грамматическими средствами, в результате которой дополняется и расширяется понимание общей идеи текста.

Результаты

В ходе проделанного синхронического поуровневого анализа списков притчи о блудном сыне выяснилось, что определенная часть лексических средств и грамматических форм подбирались переписчиками невероятно скрупулезно с целью отразить глубочайший философский смысл притчи, ее тонкую нравственную подоплеку, неуловимую с первого взгляда. Удалось установить факты воссоздания внутренней жизни героев в тексте произведения, т. е. обнаружить скрытый психологизм на архаической стадии развития литературы. Так, в притче о блудном сыне внутренний мир героев отражается с помощью синонимических отношений (юный младший сын, не достигший духовной зрелости), переживания героев передаются с помощью грамматических возможностей видовременных форм глаголов (указания на вневременной характер радости по поводу возвращения блудного сына к отцу), наличия прямых дополнений (сильное желание блудного сына и невозможность угождения чреву на чужбине), пропуски / дополнения определенных синтаксических конструкций в тексте (осознание блудным сыном факта своего падения) и т. п.

Дискуссия

Приведенные результаты исследования открыты для обсуждения. На наш взгляд, подобные положения помогают понять проявления интертекстуальности в мировой литературе, где мотив блудного сына занимает важное место и является архетипическим сюжетом, придающим художественному произведению смысл и структурную целостность. Текст притчи – настоящий айсберг духовной культуры и огромный пласт информации сокрыт в глубине, в используемых грамматических формах, синонимах, антонимах и связях между ними.

Ю. М. Лотман замечает: «Развитие сюжета – лишь развертывание некоторых скрытых в нем потенциалов. Засевший в памяти писателя яркий эпизод» [6, с. 447]. Эти слова вполне применимы к евангельскому сюжету о блудном сыне. Э. А. Радь в исследовании «История “блудного сына” в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох» отмечает, что «сюжет притчи проявляет яркие черты символа в культуре: накапливать и организовывать вокруг себя новый опыт,

превращаясь в своеобразный конденсатор памяти, а затем разворачиваться в некоторое сюжетное множество» [9, с. 145].

Заключение

Исходя из вышеизложенного, следует утверждать, что с помощью филологического анализа текста можно наблюдать, как в культуре отражается вся глубина духовного и идейного содержания евангельских текстов. Именно благодаря исследованию языка в его застывшей, фиксированной форме раскрываются новые пласты смыслов, которые влияют на становление сюжета как архетипической структуры, живущей в литературе и по сей день.

Список источников и литературы

1. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 2009. 520 с.
2. Войлова К. А. Старославянский язык : пособие для вузов. М.: Дрофа, 2003. 368 с.
3. Иванова Т. А. Старославянский язык : учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. 240 с.
4. Камчатнов А. М. Старославянский язык : курс лекций : учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 1998. 212 с.
5. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 150–390.
6. Лотман Ю. М. О типологическом изучении культуры // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 447–456.
7. Мишаткина С. Е. Древний Текст как объект лингвистического исследования // *Lingua mobilis*. 2011. № 3 (29). С. 76–83.
8. Пронина Е. В. Глагольная лексика старославянского языка в системном рассмотрении : монография. Тула: Изд-во ТулГУ, 2007. 103 с.
9. Радь Э. А. История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох. М.: Флинта, 2022. 276 с.
10. Ремнёва М. Л. Старославянский язык : учеб. пособие. М.: Академ. проект, 2004. 352 с.
11. Середенко И. И. Архетип блудного сына в произведениях русских классиков // *Культура и текст*. 2005. № 9. С. 16–22.
12. Старославянский язык: учебник для высших учебных заведений РФ / С. А. Аверина [и др.]. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2013. 448 с.
13. Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: Учебное пособие. М.: Флинта : Наука. 2002. 216 с.
14. Хабургаев Г. А. Старославянский язык : учеб. пособие для студентов пед. ин-та по спец. № 2101 «Русский язык и литература». М.: Просвещение, 1974. 288 с.
15. Ягич И. В. Мариинское четвероевангелие : с примеч. и прилож.. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1882. 607 с. (Памятник глаголической письменности).

References

1. Bolotnova, NS 2009, *Filologicheskiy analiz teksta* (Philological analysis of the text), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
  2. Voylova, KA 2003, *Staroslavjanskiy yazyk* (Old Slavonic language), Drofa publ, Moscow. (In Russ.)
  3. Ivanova, TA 2001, *Staroslavjanskiy yazyk* (Old Slavonic language), Izd-vo S.-Peterb. un-ta publ, St. Petersburg. (In Russ.)
  4. Kamchatnov, AM 1998, *Staroslavjanskiy yazyk* (Old Slavonic language), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
-

5. Lotman, YuM 2001, 'Vnutri myslyashchikh mirov' (Inside the Thinking Worlds), *Semiosfera* (Semiosphere), pp. 150–390. (In Russ.)
6. Lotman, YuM 2001, 'O tipologicheskom izuchenii kultury' (On the typological study of culture), *Semiosfera* (Semiosphere), pp. 447–456. (In Russ.)
7. Mishatkina, SE 2011, 'Drevniy tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya' (Ancient Text as the Object of Linguistic Research), *Lingua mobilis*, vol. 29, no. 3, viewed 4 August 2024, <https://cyberleninka.ru/article/n/drevniy-tekst-kak-obyekt-lingvisticheskogo-issledovaniya> (In Russ.)
8. Pronina, EV 2007, *Glagolnaya leksika staroslavianskogo yazyka v sistemnom rassmotrenii* (The verbal vocabulary of the Old Slavic language in a systematic review: a monograph), Izd-vo TulGU publ, Tula. (In Russ.)
9. Rad, EA 2022, *Istoriya «bludnogo syna» v russkoy literature: modifikatsii arkhetypicheskogo syuzheta v dvizhenii epokh* (The story of the "Prodigal Son" in Russian literature: modifications of the archetypal plot in the movement of epochs), Flinta publ, Moscow. (In Russ.)
10. Remnyova, ML 2004 *Staroslavianskiy yazyk* (Old Slavonic language), Akadem. Proyekt publ, Moscow. (In Russ.)
11. Seredenko, II 2005, 'Arkhetyp bludnogo syna v proizvedeniyakh russkikh klassikov' (The archetype of the prodigal son in Russian classical literature), *Kultura i tekst*, no. 9, viewed 4 August 2024, <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetyp-bludnogo-syna-v-proizvedeniyah-russkihklassikov> (In Russ.)
12. Averina, SA, Navtanovich, LM & Popov MB 2013, *Staroslavianskiy yazyk* (Old Slavonic language), Filol. fak. SPbGU publ, St.Peterburg. (In Russ.)
13. Turbin, GA & Shulezhkova, SG 2002, *Staroslavianskiy yazyk* (Old Slavonic language), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
14. Khaburgayev, GA 1974, *Staroslavianskiy yazyk* (The Old Slavic language), Prosveshcheniye publ, Moscow. (In Russ.)
15. Yagich, IV 1882, *Mariinskoye chetveroyevangeliye* (Codex Marianus), Tip. Imp. Akad. nauk publ, St. Petersburg, viewed 4 August 2024, https://www.google.ru/books/edition/Codex_Marianus/84UIjM_GAsC?hl=ru&gbpv=1&pg=PA1&printsec=frontcover (In Russ.)

Вклад авторов:

Пронина Е. В. – написание статьи, научное редактирование текста.

Вольнская Е. А. – сбор материала, обработка материала, написание статьи.

Contribution of the authors:

Elena V. Pronina – writing an article, scientific text edition.

Elizaveta A. Volynskaya – collection and processing of material, writing an article.

Статья поступила в редакцию: 10.09.2024
Одобрена после рецензирования: 11.11.2024
Принята к публикации: 07.11.2024

The article was submitted: 10.09.2024
Approved after reviewing: 11.11.2024
Accepted for publication: 07.11.2024